

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) ¹⁾.

Г л а в а VII.

Берлинскій конгрессъ.

Въ концѣ мая борьба кончилась. Министерство сознало свое поражение, но, повидимому, оно себя выговорило разрѣшеніе европейскаго конгресса проявить видъ побѣдителя: Россія на эту комедію добродушно согласилась. Капитуляція была подписана 30 мая, но оставалась тайной до 14-го іюня, когда, благодаря чистой случайности, она стала извѣстна. Временному писцу (Мартину) въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ была поручена копія секретнаго меморандума. Тотъ утверждалъ, что сохранилъ въ памяти содержаніе этого документа и продалъ его консервативной газетѣ „Globe“. Эта газета основательно гордилась приобрѣтеніемъ государственнаго секрета.

До появленія меморандума положеніе оставалось натянутымъ. Историкъ Фриманъ злился (по обыкновенію); онъ писалъ:

„Надѣюсь, Вы замѣтили, что ренегатъ Хобартъ-паша вкушалъ обѣдъ съ императрицей Индіи, а также гостилъ въ Хатфильдѣ, превращенномъ теперь въ еврейское Гетто“.

Извѣстіе, что Биконсфильдъ ѣдетъ на конгрессъ въ Берлинъ первымъ уполномоченнымъ Англіи, еще болѣе обозлило Фримана. Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой онъ говоритъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1911 г.

„Я страшно золъ на вашихъ дипломатовъ; чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше злюсь. Они погубили одно изъ величайшихъ дѣлъ, какое совершила какая бы то ни была нація. Мало этого, теперь еврей ѣдетъ представлять Англію въ Берлинѣ; желалъ бы я, чтобъ какой-нибудь турокъ или лѣшій поймалъ его по дорогѣ и уничтожилъ, какъ это случилось съ нѣкими еврейскими посланниками. Турокъ тоже участвуетъ на конгрессѣ; что можетъ выйти хорошаго изъ всего этого? новыя возмущенія, новая рѣзня, новая ложь, опять конгрессы, а со всѣмъ этимъ можно было разомъ покончить.

Что будетъ говорить еврей съ разными превосходительствами“?

6-го іюня въ отвѣтъ на мое письмо о перемѣнѣ фронта г. Фостера, г-жа Новикова прислала мнѣ письмо, въ которомъ упоминается свиданіе ея съ кн. Горчаковымъ послѣ Сентъ-Джемской конференціи.

„Я въ восторгѣ отъ откровенности, выказанной Вами въ письмѣ г-ну Фостеру. Тотъ ужъ черезчуръ трусливъ, по-моему, даже не патріотиченъ, уступая политикѣ лорда Биконсфильда. Боюсь, что наши усилія ни къ чему не приведутъ теперь, когда Вашъ кабинетъ, очевидно, заставилъ либераловъ молчать, но, тѣмъ не менѣе, я горжусь тѣмъ, что вы и я, мы оба честно исполнили свой долгъ (я безъ малѣйшей поддержки), и меня радуетъ мысль, что, хотя мы писали самостоятельно, не сговорившись предварительно, мы пришли къ тѣмъ же убѣжденіямъ.

„Въ прошедшемъ году, вскорѣ послѣ Сентъ-Джемскаго митинга, проѣздомъ черезъ Петербургъ, гдѣ я видѣлась съ моимъ братомъ Александромъ, я воспользовалась свиданіемъ съ кн. Горчаковымъ, чтобъ объяснить ему великолѣпную роль, сыгранную либеральной партіей на Сентъ-Джемской митингѣ. Мой разговоръ такъ его заинтересовалъ, что онъ передалъ мой рассказъ въ тотъ же вечеръ Государю Императору. Тѣмъ не менѣе канцлеръ мнѣ замѣтилъ: „Все это очень хорошо, но всѣ эти либералы безсильны, а Биконсфильдъ ихъ проведетъ безъ труда и согнетъ ихъ въ дугу“. „Увѣряю Васъ, что Вы дурно освѣдомлены, возразила я, эти люди не такъ безсильны, какъ Вамъ кажется: „Вы пристрастны“—сказалъ онъ.

„Нѣтъ, отвѣчала я, я знаю только истинные факты.

Многіе, желающіе разрыва съ Англіей, закрываютъ на нихъ глаза. Вы выставляете вопросъ односторонне, говорятъ они, въ концѣ концовъ вся страна поддастся Биконсфильду. Оппозиція раздѣлится, а правительство усилится.

Назначеніе Биконсфильда на конгрессъ поддерживааетъ эти опасенія, съ этимъ я согласна. Историкъ г. Фрудъ съ самаго начала

тоже меня предостерегалъ, но я вѣрю тѣмъ, которые борются за поработенныхъ христіанъ и „не потеряли вѣру въ успѣхъ“.

На это Стэдъ отвѣтилъ: кн. Горчаковъ дурно освѣдомленъ, не забудьте, что мы сдерживали лорда Биконсфильда, даже до вашего разгромленія турокъ.

Извѣстіе о созывѣ конгресса обрадовало Эмиль Лавелей, который писалъ г-жѣ Новиковой 9-го іюня, чтобъ утѣшить и предостеречь ее.

„Благоразумныя уступки—вѣрьте мнѣ—не помѣшаютъ достиженію конца. Турція не существуетъ. Будущее южныхъ славянъ въ зачатіи, но помните—на все необходимо время. Дороги, разработка богатствъ—все это въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ.

„Развитіе экономическое должно предшествовать развитію политическому. Слабость Россіи заключается въ томъ, что ея богатства и производительность не на уровнѣ еще съ ея пространствомъ и законной ролью въ Европѣ и Азіи“.

8-го іюня лордъ Биконсфильдъ выѣхалъ въ Берлинъ. Лордъ Сольсбери послѣдовалъ за нимъ 10-го. Банкетъ по случаю открытія Берлинскаго конгресса состоялся 14-го. Для Биконсфильда и Сольсбери это было что-то въ родѣ пира Валтасара, потому что въ тотъ же день „Globe“ опубликовалъ полный текстъ секретной капитуляціи Биконсфильда.

Я немедленно написалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь. Побѣда одержана. Гладстонъ восторжествовалъ. Биконсфильдъ побѣжденъ. Прилагаю французскій текстъ Русско-англійскаго соглашенія, лучше сказать, договора между Россіей и Англійей, который остается въ силѣ даже въ томъ случаѣ, если конференція не удастся. Въ немъ Биконсфильдъ изъявляетъ согласіе на все и въ дѣйствительности поддерживаетъ политику Гладстона. Хотя мы въ слабомъ меньшинствѣ, но вѣрьте мнѣ, мы все же имѣемъ возможность сдерживать нашего еврейскаго премьера. Война съ Россіей изъ-за турокъ теперь невозможна. Я этимъ очень счастливъ. Познакомившись съ меморандумомъ газеты „Globe“, Туркофильскія газеты торіевъ проклинали Биконсфильда.

„Рѣдко достаются смертнымъ минуты такого истиннаго наслажденія, какія испытывали храбрые гладстонцы, читая ожесточенныя рѣчи джингоистской печати. Одинъ разгнѣванный торійскій журналистъ писалъ, что лордъ Биконсфильдъ укралъ и осуществилъ политику Гладстона. Я думаю, что Ваша реплика, если смѣю такъ выразиться, должна настаивать на томъ, чтобы англійское правительство, видя, что народъ не допуститъ его до войны, что рабочее

населеніе не хочетъ идти въ армію, что непопулярная война произвела бы мятежи, отступило, отказалось отъ циркуляра Сольсбери, бросило турокъ и заключило тайный договоръ съ Россіей. Въ концѣ концовъ англичане, Ваши друзья, сокрушили Биконсфильда; слава Богу, мы, кажется, вышли изъ лѣса. Долгая борьба увѣнчалась побѣдой. Извѣстное изреченіе Гладстона, повторенное во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ: „Руки прочь“, оправдалось на дѣлѣ“.

Бѣгло прочитавъ меморандумъ, Ольга Алексѣевна его не вполне оцѣнила. 18-го іюля она мнѣ писала:

„Великое несчастье, если допустить раздѣлъ Болгаріи. Гораздо лучше было бы видѣть ее сильной и независимой. Было бы большимъ стыдомъ забыть нашъ долгъ передъ Балканскими христіанами. Я возмущена моимъ зятемъ Евгениемъ Петровичемъ Новиковымъ, посломъ въ Вѣнѣ и Шуваловымъ, но вѣрю въ Государя. Россія искренно надѣется на миръ, но дѣлаются серьезныя приготовленія къ войнѣ. Наслѣдникъ престола Вел. Кн. Александръ будетъ командовать южной арміей, и генераль Обручевъ, очень способный человекъ, будетъ у него начальникомъ штаба. Очень тяжела неизвѣстность и нерѣшительность, въ которой мы живемъ. Фриманъ правъ: наши жалкіе дипломаты портятъ то, что сдѣлалъ русскій народъ, но эти трусливые эгоисты не стоятъ, слава Богу, во главѣ государства и есть надежда, что мы мирно и честно выполнимъ свои обѣщанія“.

Въ ней говорилъ славянофильскій энтузіазмъ, который ей внушалъ гораздо болѣе ужаса и отвращенія отъ измѣны Южной Болгаріи, чѣмъ удовлетворенія въ томъ, что войны съ Англіей не будетъ. Мы не были довольны раздѣломъ Болгаріи, но для насъ это только мелкое обстоятельство въ сравненіи съ огромнымъ преимуществомъ мирнаго рѣшенія всего дѣла.

Вотъ характерное письмо Фруда отъ 22 іюня:

„Мы здѣсь ничего не знаемъ и ждемъ, какъ и весь міръ, рѣшеній конгресса. Предполагаютъ, что восточный вопросъ будетъ теперь разрѣшенъ и въ этомъ воздадутъ честь лорду Биконсфильду, но такъ какъ онъ былъ фигляромъ съ самаго начала, то когда въ воздухѣ настанетъ успокоеніе, настоящій характеръ его поведенія будетъ виденъ и оцѣненъ по достоинству. Онъ и его партія виновники въ теченіе трехъ лѣтъ всѣхъ европейскихъ тревогъ и нельзя даже сказать, чтобы ими руководила какая бы то ни была политика, хотя бы самая ошибочная. Они просто желали, чтобы ихъ замѣтили, подобно шалуну мальчику, бросавшему камень на рельсы, чтобы сдѣлать крушеніе поѣзда. Почему Богъ не убьетъ діавола? спросилъ Пятница у Робинзона. Такъ и мы, почему Богъ позволилъ существовать Биконсфильду, сказать не можемъ. Никогда

еще мои соотечественники не были въ такомъ нелѣпомъ настроеніи, но я думаю, что Англія никогда болѣе не вмѣшается въ дѣла континента. Промышленность въ ужасномъ состояніи и продолжаетъ ухудшаться. Придется дорого расплачиваться, и тогда появится негодованіе“.

„Меня все меньше и меньше занимаетъ политика. За то время, что мнѣ остается жить, я ничего добраго для моего отечества не увижу, поэтому я буду держаться своей линіи, литературы. Отчего Вы не напишете романа? Вы могли бы превосходно писать. Самые лучшіе романы написаны женщинами, а кто лучше Васъ знаетъ современныхъ людей?“

„Карлайль здоровъ по виду, но онъ очень слабѣетъ. Интересъ къ жизни у него быстро угасаетъ, и глаза его устремлены „по ту сторону“. А тамъ что? Начнемъ ли мы снова борьбу страстей, надеждъ и проблесковъ счастья, чтобъ кончить усталостью и разочарованіемъ? И это должно называться вѣчнымъ покоемъ? Дай Боже намъ лучше сонъ непробудный, а въ особенности безъ сновидѣній.“

Вамъ преданный Фрудъ“.

1-го іюля я писалъ:

„Джингоисты сумасшествуютъ, но вниманія на нихъ не стоитъ обращать, разъ правительство пошло на миръ. Туркофилы, какъ я Вамъ говорилъ, по количеству и по качеству ничтожны. Значеніе имъ придавало сочувствіе къ нимъ Биконсфильда, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ покинулъ, ни одинъ человекъ не посмѣетъ говорить въ пользу войны. Дстойно презрѣнія, но совершенная правда, что всѣ подлые трусы, кричавшіе два мѣсяца назадъ о войнѣ, увѣряютъ теперь, что они никогда войны не желали, и что единственнымъ обезпеченіемъ мира была политика Биконсфильда“.

Гладстонъ писалъ на слѣдующій день:

Лондонъ, 2-го іюля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я не думаю, что настало уже время, чтобы Вы, или я, могли сдѣлать безпристрастную оцѣнку результатамъ великаго Восточнаго кризиса. Но нѣкоторыя вещи достаточно ясны сквозь завѣсу, прикрывающую дѣйствія конгресса. Несомнѣнно совершено великое дѣло освобожденія. Кому принадлежитъ честь его, это вопросъ, который моимъ соотечественникамъ слишкомъ тяжело обсуждать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ верховномъ приговорѣ исторіи. Я могу Вамъ повторить то, что сказалъ на-дняхъ женѣ американскаго посланника въ Петербургѣ: царствованіе русскаго Государя будетъ велико, пока на небѣ восходитъ и заходитъ солнце“.

„Главный мой долгъ говорить неприятныя вещи тѣмъ, которымъ я больше симпатизирую. Я рѣзко отвѣтилъ грекамъ, получивъ отъ нихъ копію меморандума, приготовленнаго ими для конгресса, за тонъ его относительно славянъ. О Бессарабіи я сохраняю всѣ прежнія мои возраженія. Конгрессъ, такого сорта, можно сравнить съ бѣгами, на которыхъ каждая лошадь несетъ извѣстную тяжесть. Обременивъ себя Бессарабіей, Россія должна сбавить тяжесть въ другихъ направленіяхъ. Такимъ образомъ она не могла сдѣлать то, чего желала для Черногоріи. Что касается нелѣпой идеи англійскаго протектората въ Азіи, она еще слишкомъ мало развита, чтобы о ней серьезно толковать: тѣ, кто одного мнѣнія со мной, считаютъ своею обязанностью молчать въ настоящее время“.

„Я только читаю часть газетъ и не видѣлъ всего, что Вы могли писать въ „Сѣверномъ Эхо“. Что же касается прочитаннаго мною изъ Вашихъ сочиненій, мое мнѣніе не много значитъ, но справедливость требуетъ отъ меня сказать, что я думаю: я нахожу все прекраснымъ по характеру, чувству и таланту. Богъ въ Своемъ милосердіи дастъ намъ, какъ я надѣюсь, приблизиться къ выходу изъ этой тяжелой борьбы. Если Россія желала бы имѣть предлоги къ вмѣшательству, то слабая Болгарія больше будетъ уязвима, чѣмъ большая. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ“.

„Около двадцатаго надѣюсь уѣхать въ Харденъ“.

Берлинскій трактатъ былъ подписанъ 23-го іюля 1878 г.

Вотъ, что писала г-жа Новикова, думавшая только о славянахъ:

Москва 13 іюля 1878 г.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ, то, что Англія сдѣлала относительно Греціи, Россія сдѣлала относительно всѣхъ славянъ. Мы обманули ихъ надежды и довѣріе. Я такъ огорчена, такъ несчастна, что не имѣла силъ немедленно благодарить Васъ за Ваши строки отъ 2 іюля, хотя онѣ мнѣ доставили единственную пріятную минуту за весь этотъ ужасный мѣсяць. Читая выраженные Вами мужественныя, благородныя, великодушныя мысли было наслажденіемъ. Я перевела на-дняхъ послѣднюю рѣчь Аксакова. Надѣюсь, что г-нъ Стедъ Вамъ ее пришлетъ. Пожалуйста прочтите ее, если хотите знать, почему вся Москва чувствуетъ себя такой же несчастной, какъ я. Да благословитъ Васъ Богъ за все, что Вы продолжаете дѣлать, несмотря на нашу никуда негодную политику“.

Вамъ преданная О. К.

Въ то время, какъ засѣданія конгресса продолжались, я написалъ Гладстону нѣкоторые вопросы по предметамъ, на которые мнѣ

хотѣлось воспользоваться его сужденіемъ, прежде чѣмъ я началъ писать исторію турецкаго движенія. Онъ уже обѣщаль для облегченія моей задачи предоставить свои бумаги въ мое распоряженіе. Копію съ моего письма я не сохранилъ, но отвѣтъ Гладстона достаточно указываетъ на его цѣль и содержаніе.

Харлей Стритъ, 4-го іюля 1878 г.

„Я не берусь объяснить поведеніе либераловъ, какъ партіи, въ этомъ важномъ дѣлѣ, или въ частности лидеровъ между ними, Фостера, напримѣръ, по его возвращеніи осенью 1876 г. Я придерживался системы, насколько находилъ возможнымъ согласоваться съ ихъ взглядами. Тщетно я настаивалъ на необходимости принять угрожающій тонъ съ Турціей. Не достигнувъ успѣха, я написалъ статью объ этомъ, но она привлекла очень мало вниманія. Признаюсь, что перемѣнчивость мнѣній въ Сити между декабремъ и мартомъ мнѣ совершенно непонятна“.

Эта перемѣна, столь удивившая Гладстона, объяснилась. Она была лишь наружная. Послѣдующіе выборы доказали, что даже, когда лондонскіе джингоисты болѣе всего безумствовали, англійскіе избиратели дали большинство голосовъ Гладстону, что и случилось въ 1880 г. въ остальной Англій.

Гладстонъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Торійская пресса приписываетъ мнѣ заявленіе, котораго я никогда не дѣлалъ“.

Что думалъ лордъ Биконсфильдъ о народномъ мнѣніи 1878 г., неизвѣстно. Вѣроятно же всего, что онъ самъ былъ обманутъ. Два года спустя, когда онъ распустилъ парламентъ, онъ надѣялся, что консерваторы возвратятся въ большинство; лордъ Биконсфильдъ жестоко ошибся.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

